

ЗНАКОМСТВО, а затем и близкая писательская дружба Ивана Алексеевича Бунина и Александра Ивановича Куприна продолжались около сорока лет. Были они одноклассниками — оба родились в 1870 году. Оба с детства жили в бедности, учились на медные гроши (и не доучились в казенных заведениях), оба в юности скитались по России, по Украине, много бедствовали, переменяли по несколько профессий, прежде чем стали писателями. Бунин заметил Куприна после появления в столичном журнале «Русское богатство» первых его рассказов: «Впотьмах», «Лунной ночью», «Дознание». Было это в 1893—1894 годах. Личное знакомство состоялось несколько позже. Познакомились они под Одессой, где Бунин гостил у своего друга писателя А. М. Федорова. «Мы сбежали к морю, — вспоминал потом Бунин, — и увидели неловко вылезающего из воды невысокого, слегка полного и розового телом человека лет тридцати, стриженного каштановым ежиком, близорукое разглядывающего нас узкими глазами. «Куприн?» — «Да, а вы?» Мы назвали себя, и он сразу просил дружеской улыбкой, энергично пожал наши руки своей небольшой рукой (про которую Чехов сказал мне однажды: «Талантливая рука!»). После знакомства мы сошлись с ним удивительно быстро...»

Бунин и Куприн проводили вместе целые дни, скитались по берегу моря, вели долгие разговоры. Уже известный в литературном мире Куприн все еще испытывал нерешительность в своих писаниях, стеснялся предлагать новые вещи в печать, Бунин же поощрял его к более активной работе. Результатом их бесед и воспоминаний явился рассказ Куприна «Ночная смена», который был замечен и одобрен Львом Николаевичем Толстым.

Весной 1901 года Бунин и Куприн по приглашению Чехова несколько недель жили в гостеприимном ялтинском доме. Эти встречи еще более сблизили их. После отъезда Бунина Куприн писал ему из Ялты: «...я вижу, что в доме Чеховых тебя все очень любят». Оба писателя дорожили вниманием Чехова и гордились дружбой с ним. Об этих безоблачных днях, проведенных в доме Чехова, Бунин вспоминал потом:

«Белая каменная дача в Аутке, под южным солнцем и синим небом; ее маленький садик, который с такой заботливостью разводил Чехов, всегда любивший цветы, деревья и животных; его кабинет, украшением которого служили только две-три картины Левитана да огромное полукруглое окно, открывавшее вид на утонувшую в садах долину реки Учан-Су и синий треугольник моря; те часы, дни, иногда даже месяцы, которые я проводил в этой даче, и то сознание близости к человеку, который пленил меня не только своим умом и талантом, но даже своим суровым голосом и своей детской улыбкой, — останутся навсегда одним из самых лучших воспоминаний моей жизни».

В НАЧАЛЕ девятисотых годов Бунин и Куприн — активные участники горьковских сборников «Знание», концентрировавших лучшие силы русской литературы того времени. Встречались они и на собраниях известного литературного кружка «Среда» в московском доме писателя Н. Д. Телешева. В автобиографии Бунин особо отметил свое участие в московском писательском кружке, «душой которого был Н. Д. Телешов, а постоянными посетителями — Горький, Андреев, Куприн...»

Совсем недавно отмечалось столетие со дня рождения Александра Ивановича Куприна, и вот спустя несколько недель отмечаем столетие Ивана Алексеевича Бунина. Ровесники, примерно в одно время пришедшие в литературу, они в начале века своим творчеством знаменовали новую ступень в развитии русской прозы

БУНИН и КУПРИН

И. А. Бунин.

После похорон Чехова Горький писал Бунину из Москвы: «Мне страшно понравился Куприн, — на похоронах это был единственный человек, который молча чувствовал горе и боль потери. В его чувстве было целомудрие искренности. Славная душа!» Тогда же было решено выпустить в «Знании» специальный сборник, посвященный памяти А. П. Чехова.

Горький опубликовал в памятном сборнике драму «Дачники», навеянную некоторыми чеховскими мотивами. Леонид Андреев предложил повесть «Красный смех», направленную против бессмысленного кровопролития в русско-японской войне. Бунин и Куприн написали страницы воспоминаний о Чехове.

В своем очерке Куприн дал выразительный бытовой портрет А. П. Чехова в его ялтинском доме. Бунин сосредоточился больше на внутренних, психологических чертах, характеризующих Чехова как человека и писателя. К воспоминаниям о Чехове Бунин возвращался еще много раз, все более расширяя и углубляя написанное. Неоконченная рукопись книги «О Чехове» была последним его трудом...

РЕВОЛЮЦИЯ 1905 года многое изменила в жизни писателей-знатоков. Известие о кровавых событиях 9 января застало Бунина в Москве и потрясло его. Чтобы узнать все на месте, Бунин кинулся из Москвы в Петербург. «В Петербурге, — пишет В. Н. Муромцева-Бунина, — он познакомился с друзьями: с Куприным, Елпатьевскими, Ростовцевыми, Котляревскими, заглянул во все редакции, с которыми был связан, в «Знание», отправился и на заседание «Вольно-экономического общества», где произносились смелые речи».

Вместе со всей передовой Россией писатели «Знания» гневно протестовали против заключения М. Горького в каземат Петропавловской крепости.

Повесть Куприна «Поединок» с посвящением М. Горькому появилась в очередном сборнике «Знания» в самый разгар событий революции 1905 года. Имя Куприна с этих пор становится известным всей читающей России. После освобождения Горького из тюрьмы Бунин и Куприн несколько раз виделись с ним; они приняли участие в организации и издании сатирического журнала «Жупел» — обличительного журнала эпохи первой русской революции.

ПО ДОВЕРИТЕЛЬНОМУ сообщению своего близкого приятеля Ф. Д. Батюшкова, Куприн узнал, что Российская Академия наук решила разделить Пушкинскую премию 1909 года (в размере одной тысячи золотых рублей) между ним и Буниным. В 1903 году Бунин уже был награжден Пушкинской премией за блестящий перевод «Песни о Гайавате» Г. Лонгфелло. Теперь Бунин был во второй раз удостоен академической премии за «Стихотворения 1903—1906 гг.», «Стихотворения 1907 года» и переводы из Теннисона, Лонгфелло и Байрона. Эти произведения составляли соответственно третий и четвертый тома сочинений Бунина, выпущенные издательством «Знание». Куприну Пушкинская премия присуждена за три тома его сочинений.

По поводу принятого решения Академии наук Куприн сразу же написал Бунину: «Судьбе угодно было, чтобы я оттягал у тебя половину Пушкинской премии. Сегодня мне об этом писал Ф. Д. Батюшков... Я на тебя не сержусь за то, что ты свистнул у меня полтысячи, которую я так же, как и другие, считал у себя в кармане, не зная, что ты вторично представляешь стихи на конкурс. А ты на меня?.. Да, я ужасно рад, что именно мы с тобой разделили премию Пушкина».

Это сообщение уже не застало Бунина, отправившегося весной 1909 года в большое заграничное путешествие. На письмо Куприна Бунин ответил лишь через несколько месяцев. 22 мая 1909 года он писал другу своему из деревни Измалково:

«Дорогой и милый Ричард, я не только не жалею, что ты «оттягал» у меня полтысячи, но радуюсь этому, — радуюсь (и, ей-богу, не из честолюбия) тому, что судьба связала мое имя с твоим. Поздравляю и целую от всей души! Будь здоров, расти велик — и забрегай как можно больше денег, чтобы я мог поскорее войти в дом друга моего, полный, как чаша на пиру Соломона...»

Куприн и в самом деле не «сердился» на Бунина, а был рад за него. В 1908 году он посвятил Бунину свою повесть «Суламифь», опубликованную в альманахе «Земля». Бунин редактировал этот альманах и поместил в нем свои путевые очерки «Тень птицы» и новые стихи.

КУПРИН, как правило, воздавал должное строгому бунинскому таланту. «Бунин тонкий стилист, — писал Куприн, —

у него громадный багаж хороших, здоровых, метких, настоящих русских слов: он владеет тайной изображать, как никто, малейшие настроения и оттенки природы, звуки, запахи, цвета, лица; архитектура его фраз необычайно разнообразна и оригинальна; богатство определений, уподоблений и эпитетов умеряется у него строгим выбором, подчиненным вкусу и логической необходимости; рассказ его строен, жив и насыщен; художественные трудности кажутся доступными непостижимо легко...»

Проявляя неизменное великодушие по отношению к натуре Куприна, к его буйному и вспыхивающему характеру, Бунин со своей стороны без лишней снисходительности судил о его творчестве и его талантливости — «нужно сказать сильней — большой талантливости», — поправил себя Иван Алексеевич в статье «Перечитывая Куприна» (1938). Строгий в суждениях о литературе, Бунин придирчиво отметил в этой статье некоторые стилистические слабости купринских рассказов, нередкие у него литературные банальности, которые он не прощал никому — ни себе, ни лучшему другу. Примеры эти — «еще победы», — заключал Бунин, — беда в том, что в талантливость Куприна входил большой дар заражаться и пользоваться не только мелкими шаблонами, но и крупными, не только внешними, но и внутренними. Но когда, перечитывая том за томом давние произведения своего друга, Бунин дошел до того, что принадлежит к поре «высшего развития купринского таланта» («Конокрады», «Болото», «На покое», «Трус», «Штабс-капитан Рыбников», «Поединок», «Гамбринус» и многие другие), он уже не думал о недостатках, а только «восхищался разнообразными достоинствами рассказов, тем, что преобладает в них: свободой, силой, яркостью повествований, его метким и без излишества щедрым языком...»

В устах Бунина такая похвала значила многое.

Творчество Бунина и Куприна составляет неотъемлемую часть истории русской литературы дооктябрьского периода. Их отношение к Октябрьской революции 1917 года нанесло определенный ущерб их творчеству и в значительной мере определило судьбу каждого. И Бунин, и Куприн в полной мере познали горькую участь писателей-эмигрантов.

Один из последних эпизодов их личного общения относится ко времени присуждения Бунину Нобелевской премии в 1933 году. Александр Иванович прислал другу короткую телеграмму: «Ты достоин поздравления. Куприн». А когда Бунин, раздавая свою премию, послал пять тысяч франков обществу писателей, тот ответил растроганным письмом: «Милый Иван Алексеевич, дорогой и старинный друг. Не знаю, как и выразить мою признательность за твой истинно царский дар. Обнимаю тебя крепко, целую сердечно, благодарю тысячу раз. Ты представить себе не можешь, во дни какого свирепого, мрачного безденежья пришли эти чудесные пять тысяч и как на редкость была кстати твоя братская помощь».

В 1936 году Куприн вернулся на родину и был сердечно принят литературной общиной советской столицы. Самому Бунину не хватило сил последовать примеру дорогого и старинного друга. Бунин умер в Париже.

Но лучшее из того, что было написано ими, принадлежит равно тому великому языку, которым они владели, как истинные мастера.

А. НИНОВ,

кандидат филологических наук.